

«разбойными племенами», и не подозревая, видимо, что это определение восходит к старой, реакционной теории об искони якобы разбойничьих народах, к которым в первую очередь относили именно кочевников.

В статье есть и неоправданные отклонения от темы (например, об отношении Г. И. Успенского к новгородским частушкам на стр. 68—72 или запоздалая полемика с Н. Н. Леонтьевым по поводу его статьи, опубликованной еще в 1953 г. в журнале «Новый мир» — на стр. 23—28). Все эти срывы особенно досадны, так как А. В. Ионов в целом проделал большой и полезный труд по подготовке к печати своего сборника.

При издании этого сборника следовало бы несколько взыскательнее отнестись и к литературному изложению (например, заменить другим выражение «чужеземные хапатели» о шахтовладельцах на стр. 47 или глагол «вопить», употребляемый во всевозможных оттенках смысла), устранить некоторую неряшливость в подаче материала. Так, вводная статья названа «Песенное творчество донецких шахтеров», хотя речь в ней идет и о сказках, и о пословицах. Название всего сборника «Песни и сказы Донбасса» шире содержания, так как книга посвящена только шахтерскому фольклору, кроме единичной записи устного рассказа, сделанной на металлургическом заводе (стр. 283), и частушек на сельскохозяйственную тематику. Трижды напечатан текст частушки «Не шахтером я родился...» (в статье — стр. 83 и 89 и в материалах — стр. 246). Частично дублируют друг друга примечания и подстрочные сноски. Словарные пояснения даны не всегда при первом упоминании, а некоторые термины остались не раскрытыми. Предпочтительнее было бы составить общий словарь, так как не все будут читать сборник полностью и подряд.

В примечаниях встречаются досадные пробелы. Так, очевидно из ложно понятой скромности, А. В. Ионов почти нигде не указал, какие именно тексты записаны им самим, и в результате они остались без точной паспортизации (см., например, стр. 44 и 327).

Следует вкратце приветствовать помещение в сборнике нотных записей мелодий песен (на стр. 321 и 323) и «страданий» (стр. 332), но хотелось бы, чтобы их было не три, а значительно больше.

Иллюстраций, кроме жанровых рисованных заставок на шмуцтитулах нет, что несколько понижает познавательную ценность книги.

Отмеченные недочеты в большей или меньшей степени характерны для многих изданий научно-популярного типа, в особенности для выходящих не в центральных издательствах. Поэтому этим недочетам и уделено здесь такое внимание, может быть даже несколько несоразмерное с несомненными достоинствами сборника. Надо надеяться, что А. В. Ионов продолжит свою нужную и важную работу по собиранию и изданию профессионального рабочего фольклора Донбасса и при последующих публикациях устранит эти недочеты.

На очереди стоит усиленный сбор шахтерского устного творчества по всему СССР как в старых районах добычи угля Донбассе и Подмосковье, так и в новых — Караганде, Мемерове и других. Тогда станет возможным издание сводного труда, включающего и наиболее полный подбор текстов, и исследования, основанные на широких сравнениях и вскрывающие общие закономерности в развитии фольклора рабочих, занятых в этой отрасли труда, и его локальные особенности.

Р. Липец

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

«ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК, II»

Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. LXXIII, М., 1961, 352 стр.

Рецензируемый сборник посвящен различным проблемам культуры и этнической истории народов Китая, Кореи, Японии, Вьетнама, Индонезии. В сборнике опубликованы статьи Линь Йо-хуа, Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы Китая», Г. Г. Стратановича «Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование»; Ю. И. Журавлева «Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны»; С. А. Арутюнова «Этническая история Японии на рубеже нашей эры»; Р. Джарылгасиновой «Когурёсцы (Историко-этнографическое исследование)»; А. И. Мухлинова «Вьетнамская сельская община (X—первая половина XIX в.)»; Ю. В. Маретина «Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.)».

Линь Йо-хуа и Н. Н. Чебоксаров ставят перед собой задачу выделить хозяйственно-культурные типы Китая на основе анализа материальной и духовной культуры населяющих его народов. Это исследование основывается в значительной степени на оригинальных полевых материалах, собранных авторами в КНР в 1956—1958 гг., и представляет собой дальнейшую разработку и конкретизацию теоретических положений проблемы хозяйственно-культурных типов. Авторы выделяют три группы хозяйственно-культурных типов и дают их характеристику на конкретном восточноазиатском материале. Уделяя внимание ландшафтно-климатическим условиям, авторы подчеркивают, что зависимость от них хозяйственно-культурных типов бывает всегда «опосредство-

вана» способом производства, уровнем социально-экономического развития. Группы эти следующие: первая — типы с преобладающей ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства; вторая — мотыжного земледелия и животноводства; третья — плужного земледелия с использованием домашних животных.

При характеристике хозяйственно-культурных типов авторам удалось хорошо показать взаимосвязь и зависимость культуры (как материальной, так частично и духовной) от хозяйства, от уровня развития производительных сил. Выделение хозяйственно-культурных типов в той степени, в которой оно сделано авторами, может служить основой для этнографической классификации народов Китая (и части других стран Восточной и Юго-Восточной Азии). Известно, что в основу классификации народов мира положен лингвистический принцип. В связи с этим данная работа имеет значение как опыт создания чисто этнографической классификации народов на основе их группирования по важнейшим хозяйственно-культурным признакам. Этот опыт представляется нам очень удачным. Желательно, чтобы в результате продолжения работы над этой проблемой были также детально разработаны вопросы выделения хозяйственно-культурных типов всей Восточной и Юго-Восточной Азии в целом. Особенно следует, на наш взгляд, подчеркнуть тесную связь, отмеченную авторами, между хозяйством, с одной стороны, и материальной, а также духовной культурой, — с другой. В частности, ценным является выделение «северных» и «южных» черт тяготения рассматриваемых народов. К сожалению, при выделении районов авторы не провели четкого разделения между севером и югом, а сделали упор на противопоставление засушливых и сухих областей. В фактическом материале статьи есть спорные положения и отдельные неточности: так, кочевой образ жизни у куцун (стр. 14) — скорее всего вторичное явление; отравленные стрелы на севере были известны не только айнам, но и эскимосам и чукчам (стр. 16).

В статье Г. Г. Стратановича на основе использования археологических и этнографических данных разбирается вопрос о развитии орудия для добывания огня в древнем Китае. Здесь поставлены два вопроса:

1) как выглядело зеркало, что оно собой представляло как предмет обихода и как культурная ценность?

2) каково было использование, назначение зеркала в древнее время?

Рассматривая проблему назначения и использования зеркал, автор ставит следующие вопросы: а) почему в погребальном инвентаре так много мужских зеркал; б) понималась ли роль зеркала при подборе погребального инвентаря одинаково самими китайцами и представителями населения соседних стран, связанных с Китаем; в) почему для обозначения слова «зеркало» в китайской письменности существует несколько различных по написанию иероглифов, а в языке — слов. Ответ на все эти вопросы автор находит, проводя анализ текстов и отдельных иероглифов. Чрезвычайно важным выводом, на наш взгляд, является выделение вогнутых «зажигательных зеркал». Однако автор переоценивает их культурное значение, связывая их развитие с выплавкой железа. Следует отметить, что недостаточная в ряде случаев четкость изложения затрудняет понимание этой сложной темы.

Ю. И. Журавлев в своей работе рассматривает расселение и культуру народов тибетской лингвистической группы в Китае в связи с проблемой их этнической общности и этнических процессов, протекающих среди них в настоящее время. В разделе 1 указывается, какие именно народы следует относить к тибетской лингвистической группе и о различных точках зрения в этой области; говорится о расселении и численности народов данной лингвистической группы (как собственно тибетцев, так и других). В разделе 2 рассматривается история тибетцев с древнейших времен до XIII в. Разделы 3—9 посвящены хозяйству, материальной и духовной культуре народов тибетской лингвистической группы: собственно тибетцам, сифань, цзяжун, цян, ну, дулун, лоба (абор, дафла, ака, мири, мишми, апа-тани). Описание дается очень подробно. Особенно это относится к собственно тибетцам. В разделе 10 автор ставит (а отчасти и разрешает) вопрос об этногенезе различных народов тибетской лингвистической группы. В частности, ставит вопрос о «южном компоненте» некоторых из них. Раздел 11 посвящен изменениям в жизни тибетских народов после образования Китайской Народной Республики.

К статье приложена карта расселения тибетских народов в КНР. В этой работе автор впервые дает сравнительную этнографическую характеристику народов, почти неизвестных ранее. Поставлены проблемы этногенеза и этнической истории всех тибетских народов Китая, сделана попытка определить место каждого народа в этнической истории всех народов этой группы, чего также до сих пор нигде не делалось. Ю. И. Журавлев намечает современные этнические процессы среди народов тибетской группы. В то же время следует отметить разнохарактерность этнических определителей для разных народов. Кроме того анализ родоплеменного состава тибетских народов дан автором недостаточно четко.

В статье С. А. Арутюнова автор дает развернутую хронологию японского неолита, энеолита, бронзы и железа (различные этапы «дзёмон» и «яёй»). Однако такая характеристика этих этапов вызывает возражения, так как настоящего энеолита в Японии не было, да и роль бронзы в хозяйстве была очень невелика. Автор ставит перед собой задачу исследования эпохи от второй половины I тысячелетия до н. э. до первой половины I тысячелетия н. э., т. е. период от появления энеолита до эпохи раннего желе-

за, которая смыкается уже со временем появления письменности. В первой части работы содержится анализ археологического материала. Автор говорит о двух культурных центрах Японии эпохи бронзы и дает им различную этническую характеристику; он прослеживает исторические истоки культа тройного комплекса (мечь, магатама и зеркало), игравшего впоследствии большую роль в синтоизме.

Переходя к железному веку, эпоха которого носит название эпохи Ямато, автор решает вопрос о том, какой из двух центров эпохи бронзы следует считать наиболее древним. Автор утверждает, что в конце III в. н. э. объединенные силы племен ва Кюсю разгромили федерацию ва Кинаи, завоевали их территорию, которая стала центром складывавшегося японского государства. Это завоевание сопровождалось физическим истреблением жреческой верхушки племен ва Кинаи. Однако в массе земледельческого населения, как считает автор, вряд ли произошли существенные сдвиги. Хотя в работе и говорится об участии южных элементов в этногенезе японцев, внимание, уделенное им, кажется нам недостаточным, тем более, что в своей лингвистической работе¹ автор показал важность этой проблемы. Работа сопровождается хорошим иллюстративным материалом, таблицами, однако список префектур следовало бы дополнить иероглификой.

Статья Р. Ш. Джарылгасиновой посвящена истории древнекорейского государства Когурё. В первой части работы говорится о значении письменных источников в историко-этнографическом изучении происхождения когурёсцев, вторая часть посвящена их хозяйству и материальной культуре; подчеркивается значение земледелия. Говоря о наличии скотоводства, автор приходит к интересному заключению о том, что в процессе формирования когурёсцев и других древнекорейских племен приняли участие этнические группы, связанные со скотоводством племен западной Маньчжурии и Монголии. Раскрывается происхождение древнего города как крепости-склада.

Автор ограничивается описанием элементов материальной культуры. Между тем, следовало бы попытаться дифференцировать в ней явления северного и южного происхождения и китайские влияния. Локальные особенности лишь бегло упомянуты, но не разъяснены. Кроме того, в работе дан разбор общественных отношений, начиная с первобытнообщинных отношений у когурёсцев, а затем разбор социально-экономической сущности государства Когурё. Здесь же рассматривается чрезвычайно сложный вопрос о времени формирования государства Когурё — вопрос, который, как известно, до сих пор остается дискуссионным. Можно сказать, что точка зрения автора о несколько более поздней дате (в отличие от даты многих корейских историков) является более убедительной.

В работе А. И. Мухлинова подчеркнута значимость сельской общины в истории вьетнамского народа. Подробно описана автором организация и повседневная жизнь общины. Дана характеристика семьи. Отмечаются пережитки левирата и сорората (точнее, случаи таковых), против которых вело борьбу государственное законодательство. Таким образом, семейно-брачные отношения показаны в их динамике. То же можно сказать и о свадебной обрядности, которая описана довольно подробно. И здесь автор ищет объяснения отдельным обычаям в брачных нормах родового строя. Отмечая значение в общине духа-покровителя, объединявшего крестьян, А. И. Мухлинов считает, что истоки представления о нем восходят к животному-тотему. Автор подробно прослеживает далее различные этапы развития вьетнамской религии вплоть до XIX в., отмечая влияние Китая на нее. Вместе с тем автор, по нашему мнению, вполне правильно делает упор на самобытные истоки вьетнамской религии.

Много внимания уделено обрядности. Большой интерес, на наш взгляд, представляет описание деяния жертвенного мяса. Автор анализирует этот и другие обряды с точки зрения главным образом социального строя общины. Однако раздел жертвенного мяса существует и у других народов Юго-Восточной Азии. Автору следовало бы провести здесь соответствующие параллели. Указанные выше чисто этнографические материалы, к сожалению, часто теряются в данной работе среди массы побочных историко-экономических и правовых вопросов, интересных самих по себе, но не имеющих непосредственной связи с проблемой, если ее рассматривать в этнографическом плане.

Ю. В. Маретин в своей работе показывает те изменения, которые произошли в обществе минангкабау, начиная с конца XIX в., под воздействием как внутренних причин (прежде всего экономического характера), так и в результате внешних влияний, среди которых первое место принадлежит проникновению иностранного капитала на западное побережье Суматры. Во вступлении автор, описывая особенности социальной организации минангкабау, говорит об ее арханизации в XX в. многими учеными и объясняет причины данного явления. Ю. В. Маретин показывает изменения в социальной структуре минангкабау на фоне широкой экономической картины. Особенно следует подчеркнуть анализ автором религиозного движения, связь его с изменениями в области экономики и критику в связи с этим идеалистического изображения этого движения со стороны буржуазных ученых. Большую ценность представляет показанный автором процесс формирования рабочего класса. Однако следует заметить, что в общем экономике уделено слишком большое внимание, что, на наш взгляд, не всегда оправ-

¹ С. А. Арутюнов, К оценке роли миграций в древней истории Японии, «Сов. этнография», 1960, № 1.

дано. Вряд ли нужны в этнографическом исследовании таблицы экономического характера. Статья и без них перегружена цифрами. В то же время вопросы материальной и духовной культуры автором не раскрыты в достаточной мере.

В целом можно считать, что выход рецензируемого сборника представляет собой значительное явление. Он содержит глубокую разработку ряда проблем этнографии Восточной и Южной Азии и знакомит широкий круг советских читателей с историей и культурой ее народов. Можно надеяться, что традиция публикации подобных сборников будет продолжена. Хочется лишь пожелать, чтобы, с одной стороны, они были более этнографичны по своему содержанию, с другой — уделяли бы больше внимания показу жизни и быта народов Азии в современные дни.

К. Мешков

НАРОДЫ АФРИКИ

L. J. Boutillier. *Bongouanou. Côte d'Ivoire. Paris, 1960.*

Монография Бутилье — одна из работ, публикуемых Французским управлением научных и технических изысканий на Заморских территориях совместно с Верховным советом социологических изысканий в серии «L'Homme d'outre mer» и посвященных изучению различных аспектов общественного и экономического развития африканских народов, населяющих бывшие колониальные владения Франции.

В Африке зреют новые общественные отношения, новые общественные силы, все энергичнее проявляющие себя на политической арене. Создан ряд независимых государств. Понять эту новую Африку для колониальных держав стало насущной необходимостью. Изучить новые явления, чтобы использовать их в своих интересах, чтобы любыми средствами удержаться в Африке — такова подоплека (нигде, конечно, прямо не высказанная) деятельности указанных выше учреждений, как и аналогичных им в иных странах.

Рецензируемая работа детально рассматривает вопросы экономического и общественного развития одного из округов Берега Слоновой кости — округа Бонгвану, населенного народом агни. Автор ее — добросовестный буржуазный ученый — экономист из Управления — руководил изучением населения в этом районе Африки и собрал большой и интересный материал. Район исследования выбран не случайно: округ Бонгвану, расположенный в лесной зоне близ границы саванны, дает богатейшие возможности для разведения экспортных культур — кофе, какао, а также потребительских (корнеплодов и злаков). Относительное изобилие так называемых свободных земель и возможности приложения рабочих рук привлекают в округ постоянный поток эмигрантов из соседних областей. Совокупность многих причин — исторических, экономических и географических — сделали возможным превращение округа Бонгвану в область развития африканского плантационного хозяйства. А это, в свою очередь, создало условия для быстрого развития экономики по капиталистическому пути и становления общественных отношений буржуазного общества.

Книга разделена на две части: в первой изучается коренное население (агни), во второй — население пришлое, выходцы с других территорий, составляющие в настоящее время около 33% всех жителей округа.

Анализ общественных отношений у агни построен так, что читателю прежде всего бросается в глаза важная роль отношений кровнородственных. Автор пишет, что и ныне реальная основой общественной системы (стр. 30) является абусуа (или линияж, по терминологии французских социологов). Абусуа — сегмент рода, в который входят кровные родственники, ведущие происхождение от реально существовавшего предка. Счет родства ведется по материнской линии; по этой же линии идет наследование имущества и власти. Во главе абусуа стоит старший и наиболее уважаемый представитель старшей ветви линияжа. Он имеет религиозную, юридическую и экономическую власть. Символ этой власти, как и у многих родственных агни народов, — священная реликвия: деревянный резной «трон». Глава абусуа руководит религиозными церемониями, связанными с культом предков, решает все споры и конфликты между сородичами и является хранителем сокровищницы, состоящей частью из предметов культа, частью — из золота в слитках и драгоценностей. Распоряжаться этим богатством он может лишь с ведома и под контролем групп старших сородичей (как мужчин, так и женщин). Власть главы абусуа сказывается и в земельных отношениях, в частности, он разрешает тяжбы, связанные с землевладением и землепользованием. Все сородичи объединены круговой порукой и обычаями взаимопомощи. Обычно члены одной абусуа расселены в пределах обширной области, смешанно с выходцами из других абусуа и из других народов. Это рассеивание абусуа является следствием трех факторов: обычаев экзогамии, правил наследования по материнской линии и правил патрилокальности поселения. Таким образом, территория округа распадается на ряд деревенских общин, границы между которыми строго определены, а население относится к нескольким абусуа и включает, как мы говорили, иноземцев.

Деревенская община, вне всякого сомнения, — соседская община, по отношениям кровного родства в ней очень сильны. Во-первых, власть в деревне принадлежит главе